

По-птичьи сможет им давать ответ;
И дар познания трав ей будет дан,
Она сумеет каждую из ран
Излечивать особою травой.
На обнаженный меч взгляните мой,
Висящий тут. Любой рукой взнесен,
Броню крепчайшую разрубит он,
Хотя б она была, как дуб, толста.
И тела пораженные места
Одним лишь средством можно излечить -
Клинок плашмя на раны положить;
Когда клинок плашмя ударит вновь
По тем местам, откуда брызжет кровь,
Тотчас закроется любая рана.
Я сообщаю правду без изъяна, -
Послужит вам на пользу этот меч».
Когда свою закончил рыцарь речь,
Он зал покинул и сошел с коня.
Сверкая ярко, как светило дня,
Среди двора недвижно конь стоял,
А рыцарь все свои доспехи снял
И в предназначенный покой ушел,
Где для него уже накрыт был стол.
Его подарки – зеркало с мечом -
Отрядом слуг отнесены потом
На самый верх высокой башни были.
А перстень чудодейственный вручили
Еще сидевшей на пиру Канаке.
Меж тем – и это правда, а не враки -
Конь медный словно бы к земле прирос.
Как ни пытались, все ж не удалось
Громаду сдвинуть хоть бы на вершок, -
От лома и колодок мал был прок.
Никто не знал, как завести его,
И он до часа простоял того,
Когда им рыцарь рассказал, как надо
Пустить в движенье медную громаду.
Перед конем толпился стар и млад,
В него вперивши восхищенный взгляд.
Так был высок он, длинен и широк,
Так дивно строен с головы до ног,
Что на ломбардских походил коней,
А взор его был жарче и живей,
Чем у пулийских скакунов,²²⁹ и люди
Считали, что природа в этом чуде
Исправить не могла бы ничего,
Что этот конь – искусства торжество.
Но высшее будило изумленье
То, что способен приходить в движенье
Лишенный жизни медный истукан.
Казалось, это – сказка дальних стран.
Всяк с домыслом особым выступал,

²²⁹ Пулийские скакуны – вместо: Апулийские.